

ИНТЕРПАТУРНАЯ ТАБЛИЦА

«Я ощущаю жизнь как трагедию...»

Уроки Чингиза Айтматова

Чингиз Айтматов в течение десятилетий своей творческой деятельности не раз выступал на страницах «Литературной газеты». Это были и многочисленные интервью писателя, его статьи и размышления о судьбах литератур Кыргызстана, России, Европы и Азии. В 1972 году в ноябре в «Литературной газете» была опубликована его поэма в прозе «Плач перелётной птицы». Актуальность этой литературной «жемчужины» очевидна и в наши годы двадцать первого столетия, в этот период нашего бытия на постсоветском пространстве.

Обо всём этом, о дружбе с Александром Твардовским, который творчески «опекал» автора «Джамили» и «Первого учителя», в предлагаемых заметках.

В моей библиотеке три издания собраний сочинений Чингиза Айтматова. Первое собрание – трёхтомник 1982–1984 годов, второе – семитомник 1998 года, третье – полное собрание в восьми томах, вышедшее в Казахстане уже после кончины писателя. Два из них с дарственной надписью Чингиза Торекуловича, которого при жизни мне довелось называть Чингиз-ага.

Открывая наугад тот или иной том, погружаешься в магию его повествовательной речи, в образы, человеческие по своей глубинной сути, от мальчика до старика Момуна, от «солдатёнка» или Эрмека до учителя Абуталипа, Едигея Буранного, табунщика Танабая, соперживаешь прекрасным женским характерам – Алтынай, Джамиля, Бегимай... А чего стоят образы животных, в силу великого таланта писателя – истинного художника слова, одухотворённых и очеловеченных, зачастую превосходящих нас, смертных и грешных, своим природным благородством.

Пегий пёс, бегущий краем моря, старик-рыбак, которому судьба сродни морю и небу, рыба-женщина, влекущая нетерпением плоти, конь Гульсары и верблюды Каранар, волчица Акбара и Рогатая мать-олениха. Раймалы-певец и брат его Абдильхан, конь Саралу и юная певица Бегимай, к которой обращены слова: «С чёрных гор, когда пойдёт кочевье, я на ярмарке не буду, Бегимай».

Даже некоторые фразы, взятые отдельно из ткани повествования, становятся афоризмами, крылатыми словами. К примеру: «Любовь и поэзия погибают от соприкосновения с властью». А трагедия манкуртизма, до боли в висках характерная и актуальная в наши транзитные годы: «Мен ботасы олген боз мая, тулыбын келіп искеген. – Я сирая верблюдица, пришедшая вдохнуть

запах шкуры верблюжонка, набитого соломой». После таких фраз невольно оглядываешься на луну, чувствуя, что там действительно кто-то есть, а на самом деле видишь белый платок Найман-Ана, который отражает свет нашей памяти и печаль нашего беспомыслия.

Во всём этом есть заклинательные, эзотерические основы нашего многовекового бытия.

«Я ощущаю жизнь как трагедию. С жизнеутверждающим финалом», – однажды сказал Чингиз Айтматов.

«Если ты и вправду слышишь, о боже, мою молитву, которую я повторяю вслед за праотцами из заученных книг, то услышишь и меня», – произносил Едигей Буранный при погребении своего друга Казангапа.

Как здесь не вспомнить вещице слова из романа Чингиза Айтматова?! «Вспомни, чей ты? Чей ты? Как твоё имя? Имя? Твой отец Доненбай! Доненбай, Доненбай...»

Когда я учился в Москве, на Высших литературных курсах, которые в своё время окончил Чингиз Айтматов, заведующая учебной частью Нина Аверьяновна Малюкова однажды показала нам стенограмму семинара, на котором обсуждали повесть «Джамиля». Среди потока несправедливой критики курсантов-семинаристов, бесстрастно запечатлённой рукой стенографиста, меня и моих сокурсников поразила ремарка, приписанная сбоку, в углу: «Айтматов плачет». Не знаю, сохранилась ли эта стенограмма, наверняка в архиве Литинститута она имеется. Но я не об этом, а о том, что даже на уровне учебного семинара, где можно было смело обсуждать вещи, так сказать, не для печати, «Джамиля» Чингиза Айтматова вызвала бурное обсуждение и неприятие среди собратьев-семинаристов. И это в стенах Литинститута!.. А вне этих стен нашей альма-матер?

Вот что писал сам Чингиз-ага: «После выхода повести «Джамиля» один из наших известных писателей принялся её критиковать. На партийном собрании перед общественностью страны он горячо говорил о том, что форма и содержание литературного произведения должны соответствовать политике коммунистической партии, что нужно неукоснительно следовать принципам социалистического реализма. В конце концов, утверждал он, каждый случай развода супругов – проблема огромной важности, которая должна обсуждаться коммунистической партией. Именно партия является оплотом, охраняющим единство семьи, а сюжет моей повести идёт вразрез с этим постулатом.

Когда я работал над повестью, то совсем не думал о подобных последствиях. «Джамиля» с момента своего появления вызвала большой интерес и у нас в стране, и за рубежом. Везде книга бурно обсуждалась. Мой неожиданный

успех стал значительным шоком, как это часто бывает, для друзей-коллег: многие предпочли хранить молчание по поводу повести. Только отдельные наши «классики», как говорится, «и в хвост, и в гриву» чихвостили книгу...

Такую, мягко говоря, «критику» я вынужден был выслушивать лично.

Что я мог сказать или сделать в такой ситуации?! Недаром говорят: «Молчание – золото!» Что бы ни говорили злопыхатели, повесть «Джамиля» уже с момента опубликования на русском языке получила международное признание. Вначале она вышла в журнале «Новый мир», главным редактором которого в то время был Александр Твардовский. Моя многолетняя дружба с одним из великих писателей русской литературы началась именно с повести «Джамиля». Александр Трифонович в тот период был безусловным авторитетом, пользовавшимся всеобщим уважением. Не ошибусь, если скажу, что многие произведения и их авторы своей известностью обязаны именно ему, личности, которая является совестью страны.

Парадокс того времени заключался в том, что любые политические перемены следовало принимать молча, без проявления своего отношения. Любое произведение, особенно талантливое, нужно было проталкивать сквозь искусственные препоны. Но если у писателя был покровитель в верхах, то его книги выходили одна за другой без всяких проволочек. Поэтому я благодарю судьбу за то, что она свела меня с Твардовским.

Ещё до «Джамиля» я выслушивал критику партийных руководителей. Тот факт, что повесть «Лицом к лицу» была благосклонно принята нашей писательской общественностью, объяснялся тем, что она вначале увидела свет на русском языке в журнале «Октябрь», в Москве, главным редактором которого был Ф. Панфёров.

Правда, и тогда нашлись «критики» в местной прессе, обвинявшие меня в том, что я слишком беззубо изобразил дезертира Исмаила. По их мнению, он выглядел трагедийной фигурой.

Но, несмотря ни на что, судьба повести «Лицом к лицу» оказалась счастливой благодаря тому, что увидела свет в Москве.

«Джамиля» же на пути к читателю встретилась со многими сложностями. Но она же и познакомила меня с главным редактором журнала «Новый мир». Ту нашу первую встречу, беседу по душам я никогда не забуду. Именно тогда Александр Трифонович предложил мне поменять название повести «Мелодия» на имя главной героини. Наверное, при встрече он объяснил мне, чем предпочтительнее новое название, но я уже этого не помню. А тогда с радостью ухватился за это предложение мэтра.

В ту же первую встречу А. Твардовский очень подробно и доходчиво объяснил мне, как писать, чтобы обойти застойно-тоталитарные требования литературных чиновников от компартии. Он посоветовал мне писать сразу на двух языках – русском и киргизском. Но печатать вначале в Москве на русском, чтобы обезопасить себя от местных партократов.

В справедливости слов А. Твардовского я убедился в работе над повестью «Прощай, Гульсары!». Я буквально кожей чувствовал правоту известного писателя. И если бы не воспользовался мудрой стратегией, подсказанной мне старшим другом, то повесть «Прощай, Гульсары!» умерла бы, не появившись на свет...».

Я специально так широко цитирую Мастера, историю создания и появления в печати повести «Джамиля» и дальнейшей её судьбы. На мой взгляд, во всём этом прослеживается та самая творческая взаимосвязь и, если хотите, искренняя, сердечная поддержка интеллектуальной России и Москвы, как это всегда и было по отношению к Мухтару Ауэзову, Расулу Гамзатову, Василию Быкову, Ивану Драчу, Мумину Каноату, Иону Друцэ, Олжасу Сулейменову, Нодару Думбадзе, Эдуардасу Межелайтису, Тимуру Зульфикарову, а также ко многим блистательным национальным именам громадной империи Страны Советов.

Писатель в силу своего таланта всегда находится в оппозиции, в первую очередь по отношению к себе, а затем уже к окружающей его действительности. Это, на мой взгляд, аксиома. Именно с первых литературных произведений («Джамиля», «Лицом к лицу» и др.) Чингиз Айтматов, может быть, ещё неосознанно и ненамеренно следовал этому постулату. Именно в этих ранних произведениях Чингиза Айтматова зарождался своеобразный «узел кущения», из которого вызревали зёрна писательского таланта и будущая ничем не подкупная позиция личности. Да и время во второй половине 50-х было уже иное .

Мало кто знает, что часть своего раннего детства Чингиз Айтматов провёл в Москве, именно в те давние годы. Он навсегда запомнил прощание на Казанском вокзале с отцом, Торекулом Айтматовым, который учился в Институте красной профессуры и был вскоре расстрелян, и этот судьбоносный эпизод словно врезался в цепкую детскую память. Да так, что тоска по отцовской любви спустя годы вошла в суть детских характеров, с истинным гуманизмом выписанных в образах мальчика из «Солдатёнка», «Свидания с сыном», «Белого парохода» и Эрмека из «Буранного полустанка». А также негасимая нежность женщины-матери, которая во все века всегда принимала на свои хрупкие плечи всю тяжесть по сохранению семейного очага – Толганай, Найман-Ана, Рогатая мать-олениха, Зарипа, Укубала...

А затем, на протяжении полувека, тянулись звёздные часы писателя, каждое новое произведение которого с восторгом воспринималось миллионами читателей и у нас, в огромной Советской стране, и за рубежом. Его произведения были переведены на **165** языков мира и изданы в **130** странах общим тиражом более **67** миллионов экземпляров. По данным ЮНЕСКО, на 1998 год они издавались **830** раз. Многие из писателей, известные и менее известные, меняли фарватер своего творчества в угоду власти. Но только не Чингиз Айтматов. Наоборот, с каждым произведением та самая «оппозиция творчества», о которой я говорил выше, принимала в себя новые темы и новые формы романа – «Буранный полустанок» и «Плаха».

Обласкан был, да! Депутатство, секретарство, Герой Труда, самые престижные премии страны... Но когда писатель садится за письменный стол перед чистым листом нового произведения, позвольте ему самому решать – каким быть. Сейчас и навсегда! А всё остальное – это где-то правила быта и большой игры. Кстати, эти правила игры всегда были в ходу – и в прошлые века, и в наше время, в транзитный период нашего бытия. Суть в другом – в самом стержне творчества и таланта. А всё остальное, как говорится, суета сует. И Чингиз Айтматов в силу объективных и субъективных причин принимал эти правила, но всегда, как в книгах, так и в своих трибунных выступлениях, был предельно честен и откровенен, слушатель или читатель всегда находил в этих выступлениях зерно мысли, не говоря уже о самом творчестве, которым он духовно обогатил наше общее евразийское пространство. Я признателен и благодарен судьбе, что знал его не только как писателя, но и лично, имел возможность постигать его произведения, душой и сердцем, ещё в далёкой юности, восхищаться ими. Я думаю, что в новом веке нас ждёт ренессанс именно такой высокохудожественной литературы.

Разумеется, «правила игры» отражались и в ряде произведений писателя – фрагментарно и эпизодично; но в контрасте с этим так выпукло и образно значимо проступали главные герои и персонажи, взятые из глубины жизни, реальности и бытия. Это во-первых, а во-вторых, именно литература социалистического реализма освоила новые, неизвестные и неизведанные ранее темы и сюжеты, какие оказались по силам только большим талантам, большим Мастерам, таким, каким остаётся в своих произведениях Чингиз Айтматов.

Кстати сказать, именно в тот период, который упрекают в «двойных стандартах», наиболее демократичная среда была почти во всех союзах кинематографистов и на братских киностудиях. И многие из литераторов обретали в такой среде «киношников» своеобразную созидательную атмосферу. Многие писатели и поэты находили свой круг единомышленников в сценарных коллегиях, в павильонах и в экспедициях, вынося из этого круга общения новые идеи и сюжеты, не замутнённые идеологией того периода. Именно в тот период 60-х и 70-х годов прошлого

века Чингизом Айтматовым были написаны многие литературные произведения, именно тогда, когда он руководил Союзом кинематографистов Кыргызстана.

Мне сейчас трудно судить о времени, в котором живём, существуем, прозябаем, надеемся... Нынешние времена – времена даже не двойных стандартов. Сегодня, когда творчество во многом зависит от прибыли и рентабельности, исчезает гуманистичная направленность нашего бытия. В силу этого почти нет и литературных произведений, по широте охвата образов и характеров тождественных книгам Чингиза Айтматова.

– О Иссык-Куль, ты око земли, ты всегда смотришь в небо. Обращаюсь к тебе – вечный, незамерзающий Иссык-Куль, чтобы стала известна мольба моя богу неба-вершителю судеб – Тенгри, когда он глянет сверху в твои глубины... – так Чингиз Айтматов в «Плаче перелётной птицы», опубликованном в 1972 году в «Литературной газете», впервые в своём творчестве обратился к образу Тенгри. Культ Тенгри, как это ни парадоксально, далеко не языческое понятие. Культ Тенгри – это прежде всего первооснова ряда религий, это, собственно говоря, и есть религия. Тенгри – это синее небо, невидимое верховное божество, которому поклонялись тюркско-монгольские и тибетские кочевые народы.

Чингиз Айтматов в «Плаче перелётной птицы», в этой поэме в прозе, через образы матери Кертолго-зайип и её последыша Элемана во всей полноте раскрывает глубинную взаимосвязь ритуала тенгрианства с ландшафтом окружающего мира – побережьем Озера, обитателями Прииссыккуля, людьми, животными и высокопарящими птицами, которые, отзимовав у незамерзающего Озера, вновь готовятся к отлёту.

А мать всё молилась истово и яро:

– Я мать троих сыновей, Тенгри, услышь мои мольбы, услышь. И просят тебя вместе с нами безъязыкие твари, что с человеком всегда заодно, – гончий пёс наш Учар, настигающий зверя любого, что по правую руку сына стоит, и рыжая кобылица гривастая, что ни разу ещё не прохлостила, что по левую руку стоит...

И хотя мать молилась негромко, вполголоса, чудилось Элеману, будто слова её разбегались, рассыпались и вдаль, и вширь по всему Озеру кликом жарким, завораживающим, и чудилось, будто слова её отзывались тревожным и чутким эхом в горах окружающих: «Услышь меня, Тенгри, услышь, услышь...»

И Элеман, спустя годы, вспоминая этот час мольбы матери на Озере, будет плакать и отрадно, и горько, будет благодарить судьбу за то, что мать вымолила ему у самого Тенгри дар великого сказителя «Манаса», за что имя

ему дадут в народе – громоподобный манасчи Элеман. «Не знал он, что молодые годы его совпадут с лихими годами насилия ойратов, что людям придётся слушать «Манас», скрытно собираясь в глухих ущельях, не знал он, что каждый раз, начиная с зачина «Манаса», мысленно будет возвращаться к мольбе матери на Озере, давно уже убитой ойратами за сокрытие сына-сказителя, и потому в сокровенном смысле зачина будет ему и утешение, и обретение духа величия, и ощущение красоты и глубины Слова предков, в котором воспета суть бессмертия народа. Не знал он, что именно ему будет написано на роду напоминать затаившим от страха дыхание людям «Манас»:

«О кыргызы, о самом великом среди нас, о Манасе слушайте сказ.

**От тех дней и до этих дни утекли, как песок, несчётные ночи, ушли
чредой безвозвратной, годы ушли и века караваном в бесследные дали...**

**Что было вчера – того нет сегодня. В этом мире всё приходит и всё
уходит. В этом мире только звёзды извечны, что правят свой путь при
извечной луне, только вечное солнце извечно с востока встаёт, только
земля черногрудая на извечном месте своём. А на земле только память
людская живёт дольше всех, а самому ж человеку путь отмерен
короткий – как расстояние между бровями. Только мысль бессмертна,
от человека к человеку идущая, только слово извечно, от потомков к
потомкам идущее...**

**От тех дней и до этих слово рождало слово, мысль рождала мысль, песня
сплеталась с песней, быль стала древним преданием. Так дошло до нас
сказание о Манасе и сыне его Семетее, ставших твердыней кыргызских
родов, ставших защитой от многих врагов...»**

И как в великом и бессмертном фольклоре разных стран и народов, птица
плачем своим приносит печальную весть. И здесь сила и могущество Тенгри
невидимыми воздушными волнами обволакивает приозёрный ландшафт,
рождая в Озере мифические буруны и волны, рёв водопадов в глубоких
ущельях, вой волка на всплывающую луну. И над всем этим вселенский плач
– плач перелётной птицы. О резне и людском побоище на этой священной
земле. И птицы крылами уносили свой плач всё дальше и дальше, всё выше и
выше.

**Мы летим, возносясь всё выше и выше... Так высоко, что горы
становятся плоскими, а потом и совсем незаметными, и земля, удаляясь
всё дальше и дальше, очертанья теряет: где там Азия, где там Европа,
где океаны, где твердь? Так пустынно вокруг – во Вселенной безбрежной
только шар наш земной, как верблюжонок заблудший в степи, тихо
качается, тихо плывёт, ищет мать свою. Но где она, мать-верблюдица?
Где мать всей земли, где мать всей земли? Ни звука! Только ветер гудит,
ветер пустынных высот, и тихо плывёт и качается земля с кулачок,**

земля с кулачок. Тихо плывёт и качается, точно сиротское, точно дитячье темечко – зыбка земля, зыбка земля. Так неужели на ней столько Добра вмещается, столько Злых дел прощается, столько Добра вмещается, столько Злых дел прощается? Нет, не надо прощать, нет, не надо прощать, молю вас, дымы творящие, думы творящие, долю творящие!

«Плач перелётной птицы» – это, я бы сказал, не только высокоталантливое приложение к эпосу-энциклопедии «Манас», это отдельная глава в древней и всегда молодой истории кыргызского народа. Как и всё литературное наследие великого сына человечества – Чингиза Торекуловича Айтматова. Хочется быть достойными этого наследия – в своих чаяниях и помыслах, в своём поведении и в своих действиях, перешагнув порог нового столетия и нового тысячелетия.

Быть может, в «Плаче перелётной птицы» и отчасти в «Прощай, Гульсары!», где многие страницы пропитаны и «дышат» духом Тенгри, начинается писательский поиск «богоустройства» мира, поиск «божественного» в личности человека.

Затем были (не считая печальной сказки «Белый пароход», хотя и там проступает тенгрианское начало в образе Рогатой матери-оленихи) «Пегий пёс, бегущий краем моря», романы планетарного звучания «Буранный полустанок» и «Плаха». И даже относительная неудача писателя – роман «Тавро Кассандры», пусть это творческая неудача, но неудача гениального творца. Мастера.

Чингиз Айтматов не раз возвращался к образу Абуталипа Куттыбаева, даже когда прошло свыше двадцати лет после издания романа «Буранный полустанок». И в своей вставной повести «Белое облако Чингисхана», и в «Препоручение Богу...».

И это после того, что уже годами устоялось в читательских умах, буквально обжигая души образами романа. Словно искал дальнейшего соответствия прошлого и настоящего, реального и божественного, соизмеря однажды уже воплощённый замысел романа с теми переменами не только общества, но и каждой личности в отдельности, когда мы действительно «препоручаем» Богу свои помыслы, страдания и надежды.

Многие и многие из писателей, поэтов, литературоведов-критиков, журналистов и просто читателей не раз встречались и имели счастье беседы с Чингизом Айтматовым. О нём много писали, известны научно-исследовательские работы по его многогранному творчеству, литературоведческие статьи по рассказам, повестям и романам, вышедшим в разных странах и на разных континентах. Его диалоги и интервью полны созидательных мыслей и суждений, они актуальны были и при жизни

писателя, они актуальны и сейчас, в наше противоречивое, поистине судьбоносное время, в Бишкеке, Оше, Джалал-Абаде, на Иссык-Куле и далее по миру – до Японии, где живёт главный герой моей повести «Тамга Тас» Мияно Ясуси. Я говорю не о себе – просто моей повести не было бы без уроков Айтматова.

О таких людях, каким являлся Мастер, говорят, что достаточно прикоснуться к нему, чтобы почувствовать его святость. Диалоги с Расулом Гамзатовым, с Куртом Воннегутом, Хейнцем Плавиусом, Николаем Анастасьевым, Федерико Майором, Дайсаку Икэда...

Беседы с Г. Гачевым, Г. Атряном, О. Сулейменовым, М. Шахановым, Г. Шалахметовым...

Статьи и отдельные издания книг о Мастере Е. Озмителя, Н. Потапова, К. Асаналиева, Р. Рахманалиева, выдающегося философа Георгия Гачева, который, подписывая мне свою книгу «Чингиз Айтматов и мировая культура», зачеркнул союз «и», вместо него написав «в свете», ибо у него в рукописи значилось «Чингиз Айтматов в свете мировой культуры». Казалось бы, что одни и те же слова, но, к сожалению, нет того самого света, без которого немислимы ни авторская позиция, ни литературные персонажи Ч. Айтматова, да к тому же союз «и» здесь выступает не в роли объединительного начала, а сугубо в противостоятельном аспекте, что в определённой степени несёт в себе и уничижительный оттенок по отношению к герою книги – поистине одним из столпов мировой культуры XX века.

У меня было всего несколько встреч с Мастером в реальной жизни – в Бишкеке, Алма-Ате, Москве, Париже. И постоянные встречи с ним и с его литературными героями при чтении его произведений глазами и по памяти, ибо всегда есть «кастальский ключ» понимания, как писал Рей Брэдбери: «Когда спросят нас, что мы делаем, мы ответим: мы вспоминаем. Да, мы память человечества, поэтому мы в конце концов непременно победим!»

Последняя моя встреча с Мастером относится к ноябрю 2007 года. Мы повстречались на юбилее поэта и драматурга Нурлана Оразалина. Буквально неделю назад «Литературная газета» опубликовала цикл моих стихов «Тамга Иссык-Куля». Мастер сказал, что читал этот номер «Литературки», находясь в салоне самолёта. Больше других стихов ему пришлись по душе мои «Манасчи».

– Чон болосын, баскалар кичи! – одобрительно произнёс он строку из этого стихотворения, что в переводе с киргизского означает: «Будь великим, остальные малы...» – Чон, чон...

А через полгода его не стало. SMS-сообщение из Москвы, словно бы горестный вздох небес, пробудило среди глубокой июньской ночи – умер Айтматов.

Я разбудил Мурата Ауэзова, который приехал по делам из Алма-Аты и отдыхал в соседней комнате моей астанинской квартиры.

Мы до утра просидели на кухне, встречая предутренние сумерки, а затем и раннее утро.

Первое осиротелое утро без Мастера.

Вспоминали образы и персонажи его литературных произведений.

От пегого пса, бегущего краем моря, до иноходца Гульсары.

От девочки Алтынай до Найман-Ана.

От ранних журавлей до плача перелётной птицы.

От волчицы Акбары до Рогатой матери-оленихи и верблюда Каранара.

От учителя Дюйшена до Абуталипа.

От мальчика Эрмека до старика Момуна, табунщика Танабая, дорожного обходчика Едигея Буранного.

От белого парохода своего детства до манкурта Жоломана...

Вспоминали себя.